

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ПАРИЖСКАЯ ПАСХА

К 200-летию взятия Парижа в 1814 году

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Против Европейского похода выступали многие. Продолжение войны с Наполеоном требовало огромных затрат, а от Вильны до Москвы страна была сильно разграблена варварами “двенадцати языков”. В числе противников продолжения войны был и главный герой 1812 года фельдмаршал Кутузов, и приближенный к императору адмирал Шишков.

Шишков настаивал на том, что Наполеон больше не сунется к нам, а следовательно, его нужно оставить в покое, и пусть Европа сама с ним разбирается. На это Александр I отвечал:

– Господину Бонапарте угодно было явиться к нам без приглашения, и мы его вынуждены были принимать. Теперь пришла пора нам нанести ответный визит в Париж.

В день своего рождения, дабы особо отметить свою благодарность Кутузову, император назначил бал в доме Михаила Илларионовича. Шишков стал уговаривать Кутузова, что на этом балу самое время будет отговорить Александра от задуманного похода. Фельдмаршал со вздохом отвечал адмиралу:

– Я уже говорил ему: “Ваше величество! Вы дали обет не класть оружия до той поры, пока хотя бы один неприятель остается в пределах Отечества нашего. Неприятель изгнан, пора положить оружие”. Я приводил ему всякие доказательства того, что я прав, но скажу тебе откровенно, друг мой, когда он не в силах опровергнуть мои доказательства, он, бывает, подойдет ко мне, обнимет, поцелует, я расплачусь и соглашаюсь с ним.

На балу у Кутузова между императором и фельдмаршалом едва не вспыхнула ссора, когда выяснилось, что Александр под влиянием царедворца поляка Чарторыйского объявил амнистию всем полякам, принимавшим участие в войне против нас на стороне Наполеона. Михаил Илларионович был в бешенстве. Мало того, что все эти богатейшие Потоцкие и Радзивиллы, поддерживая врага, продолжали получать доходы со своих русских имений, так ещё и амнистия! И это при том, что Кутузов требовал у императора передать все земли, принадлежащие польским магнатам, в руки доблестных офицеров – героев 1812 года. Отныне Кутузов готов был поддержать Александра в его стремлении нанести ответный визит, но при том условии, чтобы в первую очередь русские войска вошли в Польшу.

В течение последних пятидесяти с лишним лет было принято умалчивать об участии Польши в войне 1812 года, дабы не бросать тень на нашу условную дружбу с польским народом. Теперь времена изменились. Польша упорно раз-

вивает у русских комплекс вины перед нею — за Катынь и многие другие “преступления русских против поляков”. Пришло время и нам откровенно оценить деяния “братского славянского народа” на Русской земле, вспомнить и польскую интервенцию в 1612 году, и первые концлагеря, которые были созданы именно в Польше именно для русских военнопленных в 1920 году. Вспомнить и злодеяния поляков, когда они явились к нам под крылом Наполеона.

По свидетельствам очевидцев, поляки хуже всех зверствовали и в Москве, и в Смоленске, яростнее других грабили и убивали мирных жителей. Для подтверждения этого достаточно осмыслить лишь один факт.

Император Александр был благодушно настроен по отношению к Польше, он амнистировал поляков и не стал отнимать земли у магнатов. В таком настроении он приехал в Вильну (нынешний Вильнюс) и здесь обнаружил, что во время оккупации Вильны поляками было вырезано всё остававшееся в городе русское население. Зрелище ещё не убранных, обезображенных трупов столь сильно повлияло на государя, что его отношение к Польше резко изменилось.

В январе 1813 года русские войска перешли границу Варшавского герцогства. Ответный визит начался.

К сожалению, Кутузов после окончания кампании 1812 года сильно сдал. Он продолжал считаться главнокомандующим, но силы его с каждым днём походили. Ему было только 67 лет, но сказывались тяжёлые раны, полученные в походах. Руководил оккупацией Польши доблестный генерал Милорадович. В конце января он вступил в Варшаву. Ключи от города ему вручил тот же префект, который девятнадцатью годами раньше преподносил их Суворову. Адам Чарторыйский в письме предложил Александру I создать Польское королевство под властью великого князя Михаила Павловича. Император отвечал ему отказом. Он уверял Чарторыйского, что ему по-прежнему дороги интересы польского народа, но “...образ поведения у нас польской армии, грабежи в Смоленске и Москве, опустошение всей страны оживили прежнюю ненависть”. Никакой речи о построении польской государственности быть не могло, тем более что Чарторыйский предлагал включить в территорию Польского королевства обширные русские земли. “Не забывайте, — писал ему в ответном письме царь, — что Литва, Подолия, Волинь считают себя до сих пор областями русскими, и никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть под владычеством иного государя, кроме того, который царствует в ней!”

Польша тогда не имела выхода к морю, и все её нынешние северные земли принадлежали Пруссии. Пруссия оставалась союзником Наполеона. Ещё в конце 1812 года Витгенштейн, Чичагов и Платов, преследуя отступающего Мюрата, взяли штурмом Кёнигсберг. В начале 1813 года они стремительно форсировали Вислу и взяли Данциг (нынешний Гданьск). Тем временем наши войска завершили оккупацию Польского герцогства, перешли Одер и вступили в пределы Пруссии в районе Бреслау (нынешний Вроцлав). Прусский король Фридрих-Вильгельм мгновенно примчался в Бреслау и бросился в объятия русского императора. Отныне он вновь становился нашим союзником и противником Наполеона. “Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы” был подписан “Договор о мире, дружбе и наступательном и оборонительном союзе между Его Величеством Королем Прусским и Его Величеством Императором Всероссийским”.

Теперь встал вопрос о том, как и когда идти дальше. Слабеющий Кутузов по-прежнему был против: “Самое время идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови!” Михаилу Илларионовичу оставалось жить считанные недели.

К счастью, пророчества великого полководца не сбылись: заграничный поход русской армии оказался успешным. Впереди были Берлин, Гамбург, Лейпциг, Эрфурт, Амстердам, Страсбург и, наконец, главная цель — Париж.

БИТВА НАРОДОВ

Среднестатистический житель нашей страны на вопрос: “Какие были главные сражения с Наполеоном?” — вероятнее всего, назовёт Аустерлиц, Бородино и Ватерлоо. Прежде всего, потому, что два первых были изображены в бондарчуковской экранизации бессмертного романа Льва Николаевича Толстого “Война и мир”, да и сам роман многие наши соотечественники, коим за

сорок, читали. Про Ватерлоо был также снят Бондарчуком фильм, правда, похуже. Шведская эстрадная группа “Абба” в своё время пела популярнейшую песню “Waterloo”. К тому же запоминается и то, что это было последнее сражение великого императора Франции.

О Лейпцигской битве, возможно, и помнят, что это была “Битва народов”, но кто там сражался и как развивались события – это уже для средне-статистического россиянина многовато, а житель Европы или Америки, загрузив свои мозговые файлы информацией об этом событии мировой истории, вообще рискует перегреть и перенасытить извилины.

Между тем, по своему значению это была одна из важнейших битв эпохи наполеоновских войн, а по количеству погибших – самая кровопролитная. В “Битве народов” сражалось с обеих сторон в общей сложности полмиллиона солдат. И войска Наполеона, в основном, французы и поляки, потеряли доселе неслыханное количество убитыми и ранеными. Потерпев поражение под Лейпцигом, Наполеон в дальнейшем не одержал ни одной победы.

Об этой битве мы знаем, что русские войска “тоже в ней участвовали”. Но нам неплохо бы знать и то, что среди множества народов, дравшихся на огромном пространстве вокруг Лейпцига, русских было больше всех – 127 тысяч (при 65 тысячах австрийцев и 90 тысячах пруссаков).

Войска коалиции состояли из четырёх армий, которые с северо-запада и юго-востока наступали на Лейпциг, занятый солдатами Наполеона.

А вот как выстраиваются все участники “Битвы народов” по своему количеству от наибольшего к наименьшему: русские, французы, австрийцы, пруссаки, поляки, шведы, итальянцы, бельгийцы, голландцы и другие. Таким образом, основными действующими лицами сражения вновь, как и при Бородине, являлись русские и французы. Как и год назад, все решалось между ними.

Почему же тогда Лейпцигское сражение менее известно у нас, чем Бородинское? Прежде всего, потому, что это было генеральное сражение так называемой *заграничной кампании* 1813 года, которую проводил российский император Александр I. А к нему в нашей истории, особенно советского периода, отношение было хуже некуда. Как заклеил его Александр Сергеевич “плевшивым щёголем”, “властителем слабым и лукавым”, “нечаянно пригретым славой”, так и пошло-поехало. В итоге несколько поколений русских людей и на всю военную кампанию 1813–1814 годов стали смотреть как на никчёмную. Дошли, мол, до своей границы – и нечего было в Европу лезть! Можно подумать, что такой самолюбивый вояка, как Наполеон, смирился бы со своим изгнанием из России и больше бы не стал к нам лезть! И государь Александр Павлович это прекрасно понимал. Вот ради чего он вынужден был начать свой “ответный визит”. Чтобы избежать больших новых жертв, ему вновь пришлось проливать русскую кровь.

Ещё одной причиной нашего неблагоприятного забвения “Битвы народов” явилось то, что после смерти Кутузова в войсках не было любимца, подобного Михаилу Илларионовичу. Наши главнокомандующие почти все были нерусские. Немецкий барон Беннигсен состоял на русской службе с 1773 года. Участник заговора против Павла I, Леонтий Леонтьевич расцвёл в ранние годы правления императора Александра. Он проиграл Наполеону битву при Фридланде. С именем Беннигсена связывалось воспоминание о тяжёлом отступлении летом 1812 года от Немана до самого Бородинского поля. После смерти Кутузова весной 1813 года старый генерал вновь стал главнокомандующим русской армией. А в Лейпцигском сражении ему была поручена так называемая Польская армия. Почему “так называемая”? Потому что имя своё она носила лишь номинально. Поляков в ней почти не было – все поляки сражались на стороне Наполеона.

Богемской армией командовал австрийский генерал Шварценберг, хотя на самом деле её военачальником был герой Отечественной войны 1812 года шотландец Михаил Богданович Барклай де Толли. Во главе Силезской армии стоял прусский генерал-фельдмаршал Гебхард Леберехт Блюхер, за свою отвагу и решительность носивший прозвище “маршал “Вперёд””. Наконец, во главе Северной армии стоял Жан-Батист Бернадот, бывший маршал наполеоновской армии, в 1810 году уволенный в отставку. Тогда же шведский ригсдаг единодушно избрал его наследником престола королевства Швеции. У Бернадота были старинные связи со Швецией, он освобождал шведских пленников в Голландии и заслужил любовь шведов. Теперь именно в составе его армии находилось 18 тысяч шведских солдат и офицеров.

Армиями Наполеона командовали его любимые маршалы. С севера Лейпциг прикрывали Ней и Мармон. Мишель Ней — сын бочара, ныне носивший титулы герцога Эльхингенского и князя Московского. Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон — потомственный аристократ, герцог Рагузский, плечом к плечу сражавшийся вместе с Наполеоном, начиная с осады Тулона в 1793 году. Во время Русской кампании 1812 года воевал в Испании и Португалии, где шли весьма ожесточённые бои. После Лейпцига ему суждено было подписать капитуляцию Парижа, перейти на сторону Бурбонов и оставаться с ними даже во время наполеоновских “Ста дней”.

С юга Лейпциг прикрывал самый любимый маршал Наполеона — Иоахим Мюрат, сын трактирщика, а теперь — герцог Клевский и Бергский, король Неаполитанский. В год восхождения Наполеона Мюрат женился на его сестре Каролине. В 1808 году он залил кровью восставший Мадрид. В 1812-м руководил отступавшей из России “великой армией”. На западном участке во главе двенадцатитысячного корпуса дефилировал личный адъютант Бонапарта Анри Грасьен Бертран.

Битва началась 4(16) октября в 10 часов утра. Во второй половине дня, ввиду успешных действий французов, наступил критический момент. Мюрату удалось смять русско-прусскую линию и обратить её в бегство. Наполеон решил, что победа достигнута. В Лейпциге звонили во все колокола. Ставка Александра I находилась в нескольких сотнях метров от того места, где всего одной русской артиллерийской роте и лейб-казакам императорского конвоя с огромным трудом ещё удавалось сдерживать натиск французов. Государь, как и в предыдущей битве под Дрезденом, вёл себя бесстрашно. Михайловский-Данилевский с восторгом опишет позднее эти “лучшие минуты военной деятельности Александра”. Русский император отказывался уходить из-под града пуль и снарядов. “Положение императора было тем опаснее, что позади него находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста”. Видя чудовищный натиск французов, царь послал в бой своего лучшего генерала — прославленного героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского, командовавшего при Бородине знаменитой батареей. Дивизия Раевского, подкреплённая батареей молодого и талантливого военачальника Николая Онуфриевича Сухозанета, а также прусской бригадой генерала Клейста, совершила чудо — вырвала победу из рук торжествующих французов. Мюрат был остановлен и отброшен. Именно здесь решился исход всего сражения. Ободрённые небывалым успехом Раевского, союзники с большей отвагой устремились в бой. К концу дня вокруг Лейпцига лежало около семидесяти тысяч трупов и раненых. Весь следующий день длилось перемирие, необходимое для того, чтобы убрать мёртвых и раненых.

Поздно вечером 5(17) октября Наполеон предложил союзникам мир. Но ответа на его предложение не последовало, и на следующий день разгром наполеоновских войск продолжился. Французы дрались отчаянно и в течение 6(18) октября смогли удержать почти все свои основные позиции. Но тем не менее, это уже была агония. Понимая, что ещё один день он не выстоит, Наполеон велел отступать. Отступление его армии обеспечивали Понятовский и Макдональд.

Жак-Этьенн-Жозеф-Александр Макдональд по происхождению, как и наш Барклай, шотландец. Прославился он взятием Рима в 1798 году. Был бит Суворовым в сражении на реке Треббии. Отличился при Ваграме и в Испании, осаждал Ригу. Юзеф Понятовский — племянник польского короля, горячий патриот своей родины, сражавшийся за её свободу. Перед походом Наполеона на Россию Понятовскому удалось сформировать стотысячную польскую армию, и поляки по численности воюющих против нас народов были на втором месте после французов. 17 октября 1813 года Наполеон вручил Понятовскому маршальский жезл. А 19 октября поляки и французы яростно дрались в Лейпциге, превратив город в неприступную крепость. Русский император вступил на улицы Лейпцига в полдень, когда бои здесь были ещё в полном разгаре. Напрасно советские историки впоследствии всегда старались изобразить Александра I трусом!

Лейпциг был взят с огромными потерями. Понятовский, дважды раненый, во время отступления утонул при переправе через реку Эльстер. А сама переправа оказалась сущим адом для отступавших, которые понесли здесь шестую часть всех своих потерь в “Битве народов”. Повторилось то же, что и во время переправы через Березину.

Сражение под Лейпцигом стало главным ударом по Наполеону, его катастрофой. Стремительно была освобождена Германия, а ровно через пять месяцев после “Битвы народов” русские войска вошли в Париж. И глубоко символично, что первым к столице Франции подошёл не кто-нибудь, а прославленный и бесстрашный наш генерал Николай Николаевич Раевский, один из главных героев и Бородина, и Лейпцига.

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА В ПАРИЖЕ

Путешественник, оказавшийся на Южном Урале, с удивлением обнаружит здесь и Берлин, и Варну. Каково же будет его изумление, когда он узнает, что здесь же находится и Париж! Так уж получилось, что уральские казаки, в начале девятнадцатого века осваивавшие здешние места, дали своим поселениям звонкие имена, связанные со славой русского оружия. Вот и попали на географические карты населённые пункты, воскрешающие в памяти громкие победы наших предков: Бородиновка, Тарутино в честь сражения за Тарутинский редут, Чесма во славу Чесменского сражения. Ну, а Париж, и заодно с ним Фершампенуаз знаменуют собой память о весне и Пасхе 1814 года, когда “солдатушки-бравы-ребятушки” закончили свой заграничный поход и разгромили Наполеона в его собственном гнезде.

“Ils ont traversé le Rheine...” – “Они переправились через Рейн...” – эти ми словами начинался один из браваурных гимнов донаполеоновской Франции, под который и до сих пор плачут ностальгирующие по своей глубокой старине французы. В конце 1813 года “великая армия” Наполеона тоже переправлялась через Рейн, но на сей раз – отступая под натиском сил превосходящего противника. А 1 января 1814 года, в годовщину переправы через Неман, русская армия под пронизывающим ветром, сквозь дождь и снег шла по мосту через Рейн в округе Базеля. Они двинулись на Бельфор, взяв направление на Париж.

“О, Париж! Ах, прекрасная Франция!” – мечтали наши офицеры, но впереди ждало их сильное разочарование. “Жители бедны, необщедоступны, ленивы и в особенности неприятны. Едят они весьма дурно, как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота их отвратительна, как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте. Дома поселян выстроены мазанками и без полов. Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам гувернёры говорили, и меня обнадёживали тем, что впереди будет, но мы двигались вперёд, и везде видели то же самое”, – писал в своих заметках Н. Н. Муравьёв.

Наполеон в спешке стягивал пополнение и к середине января собрал около 175 тысяч необученных солдат. Он призвал своих подданных к народной войне. Тем временем наша армия двигалась по Франции и беспрепятственно брала один город за другим. Таким маршем, пройдя без малого полторы тысячи километров, 8(20) марта 1814 года она, наконец, встретилась с армией Наполеона у Арси, на берегу реки Об. Но Бонапарт не вступил в битву, а двинулся к северу, навстречу основной армии союзников. Этот манёвр и погубил его. Первое сражение произошло в 120 километрах от французской столицы, близ селения Фер-Шампенуаз 13(26) марта. Русско-австрийская кавалерия нанесла поражение французам, шедшим на помощь к Наполеону. Путь русским на Париж оказался открыт.

Через четыре дня после победы при Фер-Шампенуазе авангард нашей армии под командованием генерала Раевского вышел на позицию, с которой уже открывался дальний вид на столицу Франции. Штурм начался утром 18(31) марта, а уже в 11 часов утра маршал Мармон известил брата Наполеона Жозефа, формально возглавлявшего битву за столицу: “Я не мог продержаться оборону более двух часов и предупредить несчастье насильственного взятия Парижа”.

Император Александр I, отпуская пленного генерала Пейра, велел передать Мармону, что он хочет мирного решения, но готов идти на самый решительный штурм города: “С бою или церемониальным маршем, на развалинах или в пышных палатках, но Европа должна нынче же ночевать в Париже”.

К вечеру началась выработка условий капитуляции. Последние выстрелы прозвучали уже на Монмартре. Труднее всего было уломать прусского фельдмаршала. “Накажи меня Бог, но я охотнее направил бы на это революционное

гнездо мои пушки, нежели подзорную трубу”, — злобно ворчал семидесятилетний Блюхер. После того как марш музыкантов Тверского полка огласил с Мон-мартра все окрестности, парижане стали веселее сдаваться под эту музыку.

В сумерках русский император объезжал войска и поздравлял их с победой. На радостях Барклай де Толли был произведён в фельдмаршалы. Капитуляцию подписывали уже в три часа ночи. Битва за Париж была выиграна гораздо меньшей кровью, чем предполагалось. Французы потеряли 9 тысяч погибшими, русские — 6 тысяч, австрийцы и пруссаки, как водится, прятавшиеся за нашими спинами, — 3 тысячи.

Спрятав акт о капитуляции себе под подушку, царь Александр I зевнул, упал на постель и заснул мёртвым сном. Наутро он бодро принимал депутацию перепуганных парижан. Русский император горел жаждой мести за сожжённую Москву. Но мстить он собирался совсем не так, как мстили бы европейские вандалы. Он решил наказать французов проявлением истинно православного великодушия.

— Передайте парижанам, — сказал он депутации, — что я не вступаю в их стены в качестве врага и что только от них зависит, иметь ли меня другом.

Он действительно прикладывал все старания, стремясь предотвратить насилие победителей над побеждёнными. Совсем не так действовали войска союзников. Всюду, куда входили прусские и австрийские войска, оставалась выжженная земля, разграбленные и сожжённые дома, обезображенные трупы. Народы, как известно, не прощают другим былого, но утраченного величия. Из всей нашей армии, увы, разбоями, грабежами и убийствами отличались только казаки. С той поры слова “пруссаки” и “казаки” стали для французов синонимами слов “насилник”, “грабитель”, “убийца”. Но остальная русская армия соблюдала приказы государя и не чинила никакого вреда покорённым французам.

Наполеон оказался в окружении вблизи собственной покорённой столицы. Александр не шёл с ним ни на какие переговоры, требуя одного: беспрекословной капитуляции. 19 марта (31 марта) 1814 года в Париж вошла русская и прусская гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия, батальоны австрийских гренадёр и вюртембергский полк, общей численностью 35 тысяч человек. Русский император открывал торжественное шествие. При нём был будущий покоритель Кавказа генерал Ермолов. Победители вошли в грязное и вонючее Сен-Мартенское предместье. Лишь на Северном бульваре начали попадаться роскошные и богатые дома, улицы, вымощенные камнем. Из окон свисали белые простыни и скатерти, заменявшие роялистские знамёна. С тех пор белый флаг стал символом капитуляции.

Полковник Михаил Фёдорович Орлов заключил конвенцию с французским командованием о сдаче города союзникам, за что вскоре был произведён в генерал-майоры. В своих записках о капитуляции Парижа он писал: “Все улицы, по которым союзники должны были проходить, и все примыкающие к ним улицы были набиты народом, который занял даже кровли домов. Казалось, Париж не хотел иметь посредников между собою и новыми гостями своими; народ, содержавшийся двенадцать лет в страдательном повиновении, как будто в первый раз пользовался свободным употреблением воли и громко обнаруживал своим восторгом, что принимает на себя сделать императору Александру встречу, достойную великого города”.

Прекрасное владение французским языком приводило к тому, что русских офицеров парижане поначалу воспринимали как своих соотечественников-роялистов, до сей поры пребывавших в эмиграции. Парижанки впрыгивали в сёдла к русским офицерам-красавцам, но даже узнав, что те русские, не спешили спрыгнуть обратно.

Александр старался никоим образом не проявить своей надменности в отношении к побеждённым. Даже французский историк Тьер писал: “Он никому не хотел так нравиться, как этим французам, которые побеждали его столько раз, которых он победил, наконец, в свою очередь, и одобрения которых он добивался с такой страстностью. Победить великодушием этот народ — вот к чему он стремился в ту минуту более всего”. В доказательство своего великодушия он отпустил на волю всех пленных. Ненавидя Наполеона, Александр при этом приказывал незамедлительно пресекать всякие беспорядки и расправы над бонапартистами. Любопытен случай с Вандомской колонной, на вершине которой красовалась медная фигура Бонапарта. Её хотели сверг-

нуть, набросили верёвки, но посланные Александром семёновцы предотвратили сей, как сказали бы мы теперь, “акт вандализма”. Когда же царь увидел Вандомскую колонну, он усмехнулся:

— Если б меня поставили столь высоко, то и у меня бы голова закружилась!

В это время шёл Великий пост, и Александр стремился показать безбожной Европе, что он — православный государь. Он постился и в еде, и в чувствах, не давая ненависти к поверженному врагу проявиться хотя бы в чём-либо.

Наполеон собирал в Фонтенбло последние силы. Десять лет назад здесь он вырвал из рук папы Пия VII императорскую корону и сам вознёс её себе на чело. Здесь же ему суждено было произнести слова отречения от престола. У него оставалось 60 тысяч верных штыков, но маршалы во главе с Неем, Колленкурмом и Макдональдом убедили Бонапарта в бесполезности дальнейшего сопротивления.

Акт об отречении Наполеона пришёл к Александру на Страстной неделе, когда русский монарх особенно строго постился, готовясь приобщиться Святым Тайн. Вместе с ним строго постилась и вся армия. Пасха наступила 10(22) апреля. В Париже не существовало ни одной православной церкви.

Площадь Людовика XV с 1790 по 1795 год носила название площадь Революции, и вместо памятника королю в центре неё на высоком эшафоте красовалась огромная гильотина. Здесь 21 января 1793 года отсекли голову Людовику XVI, шестьдесят шестому королю Франции, правившему 6666 дней. Ликующую толпу народа кропили королевской кровью, кощунственно изображая церковное окропление. Здесь же впоследствии была казнена и королева Мария-Антуанетта. И здесь же затем были обезглавлены революционеры Дантон, Демулен, Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст.

В 1795 году после закрытия Якобинского клуба площадь Революции была переименована в площадь Согласия. Кровавый эшафот и гильотину убрали. Именно здесь к Пасхе 1814 года был воздвигнут алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия. Семь священников в богатых облачениях совершили богослужение. Многотысячная паства, состоящая из русских воинов, пришедших сюда через всю Европу, грянула:

— Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Французы в ошеломлении и восторге выпученными глазами взирали на величайшее религиозное действо.

“Всё замолкло, всё внимало! — вспоминал потом Александр. — Торжественная это была минута для моего сердца; умиротелен и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привёл я православное моё русское воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно ещё нагло наступавших в Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу”.

Отечественная война 1812 года и заграничный поход 1813–1814 годов завершились в день Воскресения Спасителя. Удивительная историческая рифма этому событию будет достигнута спустя полтора столетия, когда Великая Отечественная война 1941–1945 годов также закончится в день Светлой Пасхи Христовой!